

Джордж Файт

Подлинная история Синей Бороды

Цзабель осталась в замке огня.

Ну то есть, конечно, не в буквальном смысле огня. Даже после того, как ее супруг уехал на охоту со своими псарями и загонщиками, в поместье все еще оставались слуги — но они были не в счет. Не потому даже, что Цзабель брезговала поговной публикой — происходя хотя и из старинного, но, по правде говоря, совсем небогатого рода, она была воспитана в скромности и с детства не была приучена задирать нос, а держалась с очень немногочисленной прислугой в родительском доме запросто, по-семейному. Старик садовник и его жена, старая кухарка, у которых Цзабель, можно сказать, выросла на руках — во всяком случае, они уделяли ей больше внимания, чем ее мать, строгая постная дама, вечно страдавшая мигренями, и отец, скончавшийся, когда девочке не было и семи — были для нее все равно что дядюшка и тетюшка, а горничная, хохотушка Анна, сделалась для нее лучшей подругой, близкой, словно родная сестра (у Цзабель было также и двое старших братьев, но они относились к ней со свойственной возрасту и полу пренебрежительной снисходительностью, не посвящая девочку в свои мальчишеские забавы). Позже, впрочем, до невинных ушей Цзабель дошел гаденький слух, будто Анна действительно приходится ей сестрой, плодом греховной связи ее отца и горничной ее матери. Так это или нет, сказать наверняка не мог уже никто, ибо мать Анны к тому времени уже также упокоилась в могиле, но Цзабель, хотя и отвергая с возмущением гнусную сплетню, с тех пор нет-нет да и обращала внимание на сходство черт меж собою и Анной, с годами, казалось, становившееся все заметнее. Однако, при всем несомненном сходстве наружности, характеры двух девушек являли собой едва ли не полную противоположность. Цзабель росла скромницей и тихоней, в то время как Анну с детства отличал озорной и легкомысленный нрав. Что, впрочем — в полном соответствии с представлением о притяжении противоположностей — ни-

чуть не мешало их дружбе, как не мешали ей ни разница в положении, ни даже вышеупомянутая сплетня.

Однако ни скромность, бесспорно украшающая всякую благородную девицу, ни еще более бесспорная милосивность черт (лишенных порочной яркости, которую так ценят в столицах, зато проникнутых свежим очарованием провинциальной невинности), увы, никак не помогли Цзавель найти жениха. Никто из разборчивых окрестных дворян не желал брать фактически бесприданницу. Так что Цзавель, которой исполнилось уже 22 - возраст, в ее краях почитавшийся для незамужней девицы уже почти неприличным - оставалось лишь печально вздыхать над рыцарскими романами, которые для нее втайне от ее матери, считавшей подобное чтение неподобающим для девишки, неведомо откуда доставала Анна.

И вдруг все переменилось, словно по волшебству! К Цзавель посватался человек, считавшийся одним из самых богатых баронов Бретани. Поначалу, однако, это, казалось бы, безусловно счастливое известие наполнило ее не радостью, а тревогой и даже, откровенно говоря, страхом. И дело было не в том, что жених был более чем вдвое старше невесты и при этом совершенно ей незнаком - это-то как раз было делом совершенно обычным и естественным - а в его злобещей репутации. Говорили, что он алхимик и чернокнижник (благодаря чему и сколотил свое богатство, научившись превращать любой металл в золото), что в своем уединенном замке посреди туманного леса Броселианд он творит богопротивные дела и что, возможно, он даже и вовсе не человек, ибо очень уж он страшен собою, и даже борода у него синего цвета. Анна, всегда с удовольствием пересказывавшая сплетни, прибавляла также, что служат ему живые мертвецы, поднятые им из могил, и что, главное, он был женат уже дважды, однако после того, как он увозил очередную жену в свой замок, больше ее никто никогда не видел.

Цзавель пыталась отшучиваться, говоря, что Анна просто завидует, но на душе у нее было неспокойно. Тем не менее, она понимала, что ее мать, уже почти потерявшая надежду пристроить дочь, ни за что не позволит ей